
СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ РУССКИХ ПАДЕЖЕЙ: ТОЧКА ОТСЧЕТА И ТОЧКА ОТТАЛКИВАНИЯ

С.А. Лутин

Кафедра русского языка
Московский авиационный институт
Волоколамское шоссе, 4, Москва, Россия, 125993

В статье делается попытка критического рассмотрения некоторых ключевых положений падежной теории Мельникова-Дрёмова.

Судьба новых научных идей и их авторов во многом схожа. Как правило, значительно опережая современную им научную мысль, они на первых порах сталкиваются, с одной стороны, с яростным сопротивлением наиболее компетентных ученых своего времени, а с другой — «обрастают» большим числом фанатично преданных поклонников, чаще всего юных и безоглядно следующих за своим кумиром, автором той или иной революционной идеи. Если сделанное открытие или сформулированная гипотеза действительно оказываются значимыми для науки, то они постепенно занимают достойное место в научной парадигме; когда-то авторитетные антагонисты остаются в истории как догматики-консерваторы; некоторые из юных поклонников становятся творческими последователями своего кумира, развивая, обогащая, а часто и трансформируя исходное учение, основываясь при этом на его наиболее фундаментальных принципах. Может быть, именно сама возможность творческого развития исходной идеи, способной служить источником вдохновения и новых открытий, в первую очередь свидетельствует о ее жизнеспособности и значимости для науки.

В качестве примера достаточно будет, наверное, привести хорошо известную судьбу психоанализа Зигмунда Фрейда: представление об эдиповом комплексе, о том, что сексуальное влечение является важным побудительным импульсом человеческого поведения, и тот факт, что людьми управляет не разум, а инстинкты, — все это оскорбляло «викторианские» взгляды европейцев. При этом революционные для того времени взгляды Фрейда почти сразу же приобрели огромное число сторонников, наиболее талантливые из которых вначале стали его учениками и пропагандистами идей, а затем и самостоятельными учеными, не только развивавшими теорию своего учителя, но зачастую и вступавшими в открытый спор со многими ее положениями. Достаточно вспомнить Карла Густава Юнга, разработавшего собственную «аналитическую психологию» с ее понятиями коллективного бессознательного и архетипа, пересмотром трактовки понятия «либидо», рассматриваемую не как сексуальное влечение, а как психическая энергия и т.д. При этом именно Юнг был первым президентом Международного психоаналитического общества и редактором психоаналитического журнала, навсегда оставшись в науке учеником Фрейда и психоаналитиком. То же самое можно сказать и Вильгельме Райхе, который, с одной

стороны, был первым клиническим ассистентом З. Фрейда, а затем и вице-директором психоаналитической клиники в Вене, а с другой — автором так называемой телесно ориентированной психотерапии, из-за которой одни считают его самым страшным отступником от учения Фрейда, а другие — первооткрывателем новой эпохи психоанализа.

Подобные примеры без труда можно найти в любой области знания, поскольку они, по-видимому, отражают естественный ход развития научной мысли.

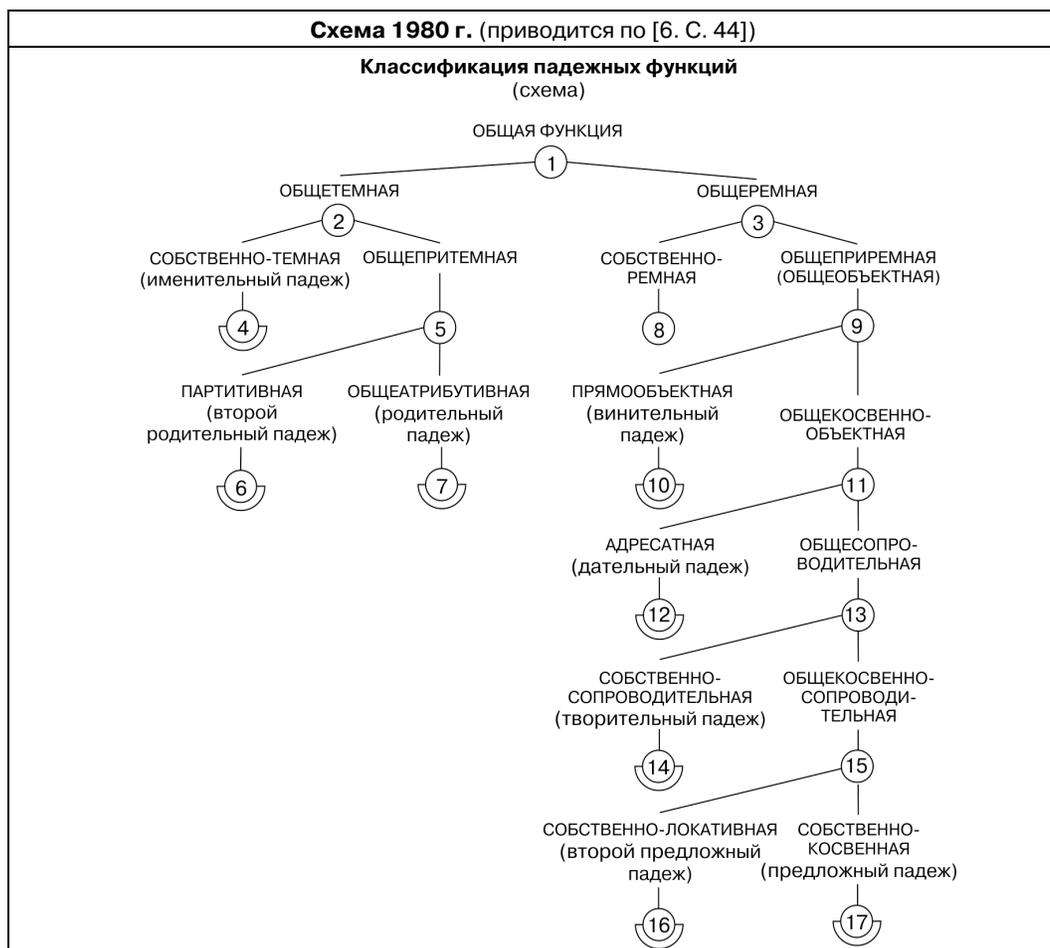
Сделанные замечания общего характера имеют непосредственное отношение к конкретной теме нашей статьи. Дело в том, что в 80-е годы мне посчастливилось стать учеником выдающегося русского лингвиста Геннадия Прокопьевича Мельникова (1928—2000 гг.), основоположника системной лингвистики и системной типологии языков. Попытка Г.П. Мельникова еще в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия поставить вопрос о **причинах** возникновения и существования тех или иных языковых явлений, привлечь в лингвистику достижения таких смежных наук, как психология, физиология, этнография и т.п., была воспринята как антинаучная подавляющим большинством лингвистов того времени — времени, когда «доминировал взгляд, что содержание лингвистического исследования должно обеспечить непротиворечивую классификацию соответствующих языковых элементов и предоставлять процедуру приписывания нужных классифицирующих характеристик языковым элементам» [3. С. 97]. Во многом только сейчас, когда в нашей науке заговорили о новом облике современной лингвистики — «функциональной», «объяснительной», «антропоцентричной» и «панхронической» [9. С. 325], — становится понятно, насколько опередили свое время идеи Г.П. Мельникова, который еще в конце 60-х годов писал, что такие «самонастраивающиеся системы», как язык, «возникают или создаются для выполнения определенной функции» [4. С. 98] и что «объяснения при системном подходе основаны на демонстрации причинной взаимообусловленности всех явлений в рамках рассматриваемого целого» [5. С. 105].

Что касается наших собственных исследований, то в последние годы, уже после ухода из жизни нашего Учителя, они в основном были посвящены системно-функциональному исследованию русской падежной системы и сначала велись полностью в русле падежной теории Г.П. Мельникова. Вместе с тем, по мере накопления фактов, в особенности из истории языка, у нас стало складываться впечатление, что общетеоретические взгляды Г.П. Мельникова на причины возникновения падежей в языках находятся в определенном противоречии с его интерпретацией конкретных путей и способов их развития, а также и с некоторыми принципами, положенными в основу их классификации. В результате взгляд на русские падежи сквозь призму диахронии привел нас к результатам, во многом отличающимся от падежной теории Г.П. Мельникова как в ее первоначальном виде, изложенном в [6], так и от ее более позднего состояния, явившегося результатом совместной работы с его учеником А.Ф. Дрёмовым [1]. В данной статье мы хотели бы кратко изложить те положения теории падежей Мельникова-Дрёмова, несогласие с которыми во многом и привело нас к исследованию, казалось бы, столь хорошо изученного вопроса, как падежная семантика. Подчеркнем при этом еще раз, что все полученные нами

результаты основаны на базовых положениях системной лингвистики, рассмотренных сквозь призму диахронии, и никоим образом, на наш взгляд, не отрицают самих принципов языковой концепции Г.П. Мельникова, лишь уточняя некоторые частные ее положения. Другими словами, концепция Г.П. Мельникова стала для нас одновременно и точкой отсчета, и точкой отталкивания.

Г.П. Мельников, исходя из положения о том, что «развитие языковых форм обусловлено наличием специализированных коммуникативных функций» [6. С. 42], ввел понятие «коммуникативного амплуа» падежей, понимая под ним специализацию «форм слов к выражению темы и ремы в рамках сообщения» [Там же]. По Мельникову, все падежи делятся на «темные» и «ремные», т.е. преимущественно используемые в функции темы или в функции ремы. «Для типичной ремы в языке формируется специальная форма слов — глаголы, для простейшей типичной темы — имена» [Там же. С. 43]. Поскольку и в теме, и в реме может использоваться по несколько слов, то дальнейшее деление идет по линии собственно темные и притемные падежи, с одной стороны, и собственно ремные и приремные — с другой. Приведем схему классификации падежных функций Г.П. Мельникова в двух известных нам вариантах (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Нетрудно заметить, что более поздний вариант схемы лишь внешне похож на первоначальный, а на самом деле представляет собой результат весьма серьезной переработки; и это неслучайно, поскольку в исходном виде данная схема вызывает слишком много вопросов: во-первых, остается неясным, **что же все-таки классифицируется** — «коммуникативные амплуа» падежей, т.е. типы их преимущественного употребления (видимо, дело обстоит именно так), или, как следует из названия схемы, — падежные функции, понимаемые как любые возможные употребления падежей в речи и, как пишет сам Г.П. Мельников, отнюдь не всегда совпадающие с «коммуникативными амплуа» (ср.: «в сообщениях („коммуникациях“) типа: „сегодня — мороз“, „брат — студент“ имена „мороз“ и „студент“ являются собственно ремой, следовательно, здесь функции падежей расходятся с их амплуа» [6. С. 43]).

Во-вторых, неясным остается «наполнение» кружочка с цифрой 1: замечание ученого о том, что он «обозначает факт существования функций слов (без дифференциации их функций на темные и ремные)» [Там же. С. 43] не проясняет ситуацию, т.к. схема посвящена классификации падежей, а не слов вообще. Отсюда же вытекает и следующая неясность: почему в эту классификацию попал глагол с его «собственно ремной» функцией (8).

По-видимому, эти и, наверное, другие неясности привели к тому, что в 1984 году приведенная схема была значительно видоизменена и уточнена. В своем новом, значительно менее известном виде она появилась в диссертации А.Ф. Дрёмова, написанной под руководством Г.П. Мельникова [1. С. 108].

Очевидно, что новая схема лишена отмеченных выше недостатков, а также дополнена критериями дифференциации падежей. К сожалению, данная схема никак не комментируется в указанной диссертации и остается по существу

«брошенной»): понятия контактности, фоновости и направленности практически никак не используются автором диссертационного исследования. Не вдаваясь в детали, выделим лишь те моменты падежной теории Мельникова-Дрёмова и приведенных классификаций, которые подтвердились нашими исследованиями, и те, которые, напротив, кажутся нам недостаточно убедительными.

1. Мы полностью согласны с исходной посылкой Г.П. Мельникова, что именно исследование коммуникативных функций языковых знаков может привести к пониманию их природы и принципов функционирования в языке. При этом мы сомневаемся, что коммуникативные функции падежей связаны с их специализацией «к выражению темы или ремы в рамках сообщения», т.е. с актуальным членением высказывания. Мы полагаем, что функции падежей коммуникативны в том смысле, что они являются средством оформления *представлений говорящего о ролях участников* ситуации в описываемом событии с целью максимально надежной передачи информации слушающему.

2. Принципиально важным мы считаем отделение родительного падежа (в нашем понимании — только родительного приименного) от всех остальных косвенных падежей и определение его функции как «актуализатора», только не темы, как считает Г.П. Мельников, а любого предшествующего слова, если оно «с недостаточной очевидностью напоминает слушающему некоторое известное ему знание» [6. С. 43]. При этом мы полагаем, что функциональная «особость» родительного приименного связана не с его «притемной» функцией, а с особыми свойствами референта, имя которого оформляется этим падежом: в отличие от референтов остальных имен, падежная маркировка которых передает представление говорящего об их роли в данном событии, референт слова в РП вообще не принимает в нем участия. Так, если говорящему представляется недостаточной информация об одном из участников события, описываемого предложением *Карандаш лежит на столе*, то он, независимо от темной или ремной позиции слова, может актуализировать его смысл, соположив этому слову имя **заранее известного** референта: *Карандаш **Ивана** лежит на столе* (имя в РП актуализирует смысл ядра темы). — *На столе лежит карандаш **Ивана*** (имя в РП актуализирует смысл ядра ремы). Аналогично: *Карандаш лежит на столе **Петра***. — *На столе **Петра** лежит карандаш*.

3. Изложенный выше подход к «информационной сущности» РП восходит к пониманию этого падежа А.Ф. Дрёмовым, который указывал, что «... имена, стоящие в форме РП, <...> сами должны иметь понятный для воспринимающего актуальный смысл», вытекающий «из фоновых знаний реципиента, ситуации общения или из предшествующего контекста...» [1. С. 132]. Однако, в отличие от А.Ф. Дрёмова, мы не считаем, что «в основе родительного лежат предикативные отношения» и что «исходной семантической функцией этого падежа является субъектная функция» [2. С. 50]. Так, актуализация слова *карандаш* в предыдущем примере с помощью словоформы *Ивана* становится, на наш взгляд, возможной не потому, что из предыдущего контекста нам известно, что *Иван имеет карандаш* или *У Ивана есть карандаш*, как полагает А.Ф. Дрёмов вслед

вслед за Ж. Веренком [2. С. 49], а благодаря тому, что «из ... ситуации общения или из предшествующего контекста...» нам известно, что Иван существует и, главное, кто он такой. Особенно наглядно непредикативная сущность отношений в именных словосочетаниях с РП видна в названиях-вывесках: отношения между именами в названиях таких магазинов, как *Дом мебели* или *Магазин технической книги*, никаким образом не возводятся к предшествующим предикативным отношениям; речь идет лишь об актуализации текущего смысла первого слова с помощью известного, по предположению автора вывески, смысла второго слова, вытекающего «из фоновых знаний реципиента».

4. никоим образом не можем мы согласиться и с утверждением А.Ф. Дрёмова о том, что исходной семантической функцией РП является субъектная функция. Мы полагаем, что из словосочетания *фотография сына* в предложении *Фотография сына висит на стене* никак нельзя узнать об исходных семантических отношениях референтов слов *фотография* и *сын*: речь может идти как о фотографии, которую сделал сын, т.е. о действии, в котором сын действительно участвовал в роли субъекта, так и о фотографии, на которой изображен сын как объект действия фотографа. А может быть, сын купил эту фотографию и является ее субъектом-посессором? Ничего этого узнать из словосочетания *фотография сына* нельзя! РП ничего не говорит нам об исходной субъектно-объектной сущности соответствующего референта. Его единственная функция, повторим, — актуализировать смысл предшествующего слова за счет установления ассоциации по смежности с заранее известным референтом.

Таким образом, мы полностью разделяем выдвинутую Г.П. Мельниковым и развитую А.Ф. Дрёмовым идею об особом положении РП (для нас — только приименного РП) в русской падежной системе и о том, что основной функцией этого падежа является функция актуализатора; при этом мы полагаем, что этот падеж не является ни притемным, ни приремым; не выражает ни субъектных, ни объектных отношений и не имеет отношения к предшествующим предикациям.

5. По поводу второго варианта схемы (1984 г.). Принципиально важным для нас является критерий «контактный — неконтактный», однако с тем уточнением, что эта оппозиция является не контрарной, а привативной: одни падежи указывают на субстанцию, с которой в том или ином виде осуществляется контакт (винительный и предложный), а другие безразличны к этому признаку, т.е. контакт может состояться, а может и нет (родительный и дательный: если *Я посылаю бандероль маме*, значит, я предполагаю, что *Мама получит бандероль*, т.е. контакт возможен; но если она ее не получит, то контакт может и не состояться — ДП никак на это не указывает. То же самое и РП: если *Мама получила бандероль*, значит, теперь *Бандероль у мамы*, но при этом она может держать ее в руках и быть «в контакте», а может и не быть в непосредственном контакте — из РП это никак не следует).

6. Признак «фондовый — нефондовый» не представляется нам системообразующим, т.к. со знаком плюс относится только к двум падежам, один из кото-

рых (родительный) оказывается вообще противопоставленным всем остальным, и речь по отношению к нему должна идти не о фоновости, а полной непричастности к развитию описываемого события соответствующего референта (из предложения *Карандаш Ивана лежит на столе Петра* мы ничего не можем узнать об участии упомянутых лиц в событии, заключающемся в «лежании карандаша на столе», присутствуют они при этом или нет — неизвестно из данного сообщения и несущественно для развития описываемого события). В этом смысле фоновым, скорее, можно было бы считать дательный падеж, с помощью которого оформляется имя того референта, который тоже непосредственно в событии не участвует (*Я посылаю бандероль маме* — мама непосредственно в событии по «посылке бандероли» не участвует), но его упоминание как цели осуществления описываемого события существенно для данного сообщения, т.е. можно сказать, что данное событие происходит на фоне имени в ДП. Но, повторим, этот признак не кажется нам достаточно четким, и поэтому мы не включаем его в число существенных для падежной системы в целом.

7. Признак «направленный — ненаправленный», безусловно, и нам представляется существенным для дательного и винительного падежей; согласны мы и с тем, что по этому признаку могут быть противопоставлены винительный и предложный падежи. Однако мы полагаем, что именительный и творительный падежи не просто «ненаправленные», а вообще не имеют к этой характеристике никакого отношения, что вызывает сомнения в системообразующем характере данного признака.

Вторым краеугольным камнем падежной теории Г.П. Мельникова является гипотеза о том, что падежи возникли в языке как средство компрессии текста. Именно эта идея легла в основу работ ученика Г.П. Мельникова — А.Ф. Дрёмова и была творчески развита последним. К сожалению, в рамках данной статьи мы не успеем рассмотреть эту красивую гипотезу. Мы надеемся, что в ближайшее время нам представится возможность высказаться по этому вопросу на страницах одного из научных изданий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дрёмов А.Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1984.
- [2] Дрёмов А.Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного // Мир русского слова. — 2001. — № 4.
- [3] Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник московского университета. — Серия: Филология. — 1995. — № 5.
- [4] Мельников Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. — М., 1967.
- [5] Мельников Г.П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. — 1969. — № 6.
- [6] Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков. — М., 1980.

**FUNCTIONAL SYSTEMS APPROACH
TO THE RUSSIAN CASES:
REFERENCE POINT AND POINT OF REPULSION**

S.A. Lutin

Russian Language Chair
Moscow Aviation Institute
4, Volokolamskoye shosse, Moscow, Russia, 125993

This article is an attempt of a critical analysis of some key thesis of the Melnikov-Dremov' case theory.